

Иван Попп

Крестьянка идет в суд: практики работы волостных судов в пореформенной России

Попп Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент,
Уральский государственный педагогический университет.
popp82@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка ответить на вопрос о степени включенности крестьянок в систему социально-экономических отношений в пореформенной российской деревне посредством обращения в волостной суд. В пореформенный период волостной суд — пространство, в котором сталкивались интересы сельчан, мужчин и женщин, — стал площадкой широкого гендерного взаимодействия, способствуя формированию повседневного правосознания и — шире — выработке практик крестьянского самоуправления. Автор анализирует указанную проблематику как в рамках анализа общеимперских позиций, так и с привлечением локального материала, в частности рассмотрения женских судебных дел в книгах решений Пермского губернского по крестьянским делам присутствия за 1878 г. и Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия за 1884 г. В статье делается вывод, что освобождение от крепостного права положило начало быстрой адаптации крестьянок к пореформенному судопроизводству. Крестьянки не боялись обращаться в суды даже по самым незначительным искам, полагая себя вполне равноправными участниками имущественных споров. При этом они могли рассчитывать на явную поддержку со стороны представителей волостных правлений.

Ключевые слова: женщина-крестьянка, гендерная история, повседневность, пореформенная Россия, судопроизводство, волостной суд, кассации приговоров, уездные и губернские по крестьянским делам присутствия.

Peasant Woman Goes to Court: Practices at the Volost Court in Post-Reform Russia

Popp Ivan Alexandrovich, PhD (History), Associate Professor, Ural State Pedagogical University.

popp82@mail.ru

Abstract: The article attempts to answer the question of the degree of peasant women inclusion in the system of socio-economic relations in the post-reform Russian village, through appeals to the volost court. In the post-reform period, the volost court — a space in which the interests of villagers, men and women, clashed — became a platform for broad gender interaction, contributing to the formation of everyday legal consciousness and — more broadly — the development of practices of peasant self-government. The author analyzes this issue both within the framework of the general imperial positions analysis and with the involvement of local material, in particular, the consideration of women's court cases in the books of decisions of the Perm provincial presence on peasant affairs for 1878 and the Irbit district presence on peasant affairs for 1884. The article concludes that the liberation from serfdom marked the beginning of the rapid adaptation of peasant women to post-reform legal proceedings. Peasant women were not afraid to go to court even for the most insignificant claims, considering themselves to be fully equal participants in property disputes. At the same time, they could count on clear support from representatives of the volost boards.

Key words: peasant woman, gender history, everyday life, post-reform Russia, legal proceedings, volost court, cassation of sentences, district and provincial offices for peasant affairs.

Как известно, в 1860-1880-е гг. бурные дебаты с целью поиска ответа на крестьянский вопрос, в том числе дискуссия, развернувшаяся на страницах прессы, были значимым фактором общественной жизни империи¹. При этом в поле зрения общественности попали не только крестьяне как социальная группа или мужчины-крестьяне, но и крестьянки с их особым положением, правами и обязанностями.

Образ крестьянки в прессе того периода был прямо увязан с категорией «угнетение». В периодических изданиях этого времени можно без труда найти рассуждения о «малопривлекательном», «малосимпатичном» отношении к женщинам в крестьянской среде². Активным в этот момент было обсуждение «бабьего вопроса», то есть обыденности побоев³, упоминались повсеместные «зверства» и «дикие расправы» крестьян над женами⁴. Повсеместным было убеждение, что «в тяжбах мужа с женой предпочтение всегда отдается мужу»⁵, что из-за фактического отсутствия разводов «гибнет, по преимуществу сторона слабейшая

- 1 См. также рефлексию в исследовательской среде: Пахман О. Н. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1; Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882; Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879.
- 2 Мордовцева Д. Л. Как народ сам себя судит // Дело. 1874. № 1. С. 262-263.
- 3 Назарьев В. Н. Современная глушь (из воспоминаний мирового судьи) // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 610-624; Назарьев В. Н. Современная глушь (из воспоминаний мирового судьи) // Вестник Европы. 1879. № 5. С. 126, 143-146; Волостные суды (заметки провинциального адвоката) // Отечественные записки. 1873. № 5. С. 9-13, 22-24; Суд в деревне (из дневника бывшего мирового судьи) // Наблюдатель. 1882. № 2. С. 120; Лудмер Я. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 446-467; Лудмер Я. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 12. С. 658-679.
- 4 Екатеринбургская неделя. 1883. № 20 (25 мая). С. 330; 1887. № 35 (8 сентября). С. 828-829.
- 5 По вопросу о преобразовании волостных судов // Отечественные записки. 1873. № 1. С. 87.

— женщина»⁶. Частыми были и сообщения о том, что волостные суды не спешили вставать на защиту чести и достоинства женщин⁷, что вызывало нежелание крестьянок искать справедливости в суде. Так, один из авторов «Юридического вестника» прямо утверждал, что, поскольку волостные судьи «становятся на сторону мужей..., крестьянки всевозможными ухищрениями избегают этот суд»⁸. В итоге современники задавались вопросом: «Это ли еще не власть тьмы, царящая в самых недрах коренной русской деревни?»⁹

Трактовка современников, зачастую подкреплявшаяся отсылками к фольклору¹⁰, как правило, не вызывала у историков вопросов или возражений. Это особенно видно на примере советской исследовательской литературы, где на первом плане находились проблемы неравенства и классовой борьбы. Советские историки представляли крестьянок дважды угнетенными: они «работали больше, чем мужчины, примерно на четыре часа в день», однако «труд женщин в крестьянском хозяйстве не содействовал развитию... и не приносил им экономической самостоятельности подобно труду работниц, потому что сельскохозяйственное производство

- 6 Способин А. Д. О разводе в России. М., 1881. С. 171. В материалах того периода мелькали и рассуждения о том, что если жена все же уходит от невыносимой жизни с мужем, то «наносит ему имущественный ущерб», а значит, должна оплачивать ему «наем работника или работницы для замещения ее по хозяйству» (Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. С. 51).
- 7 Красноперов И. М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 279.
- 8 Лудмер Я. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 447.
- 9 Екатеринбургская неделя. 1888. № 1 (3 января). С. 14.
- 10 См. например, такие часто цитируемые высказывания, как: «Бабу не бить — толку не быть»; «Люби жену, как душу, а тряси, как грушу»; «Бей бабу обухом, припади да послушай: дышит, — лукавит, еще надо прибавить»; «До смерти не бей, а учи, пока не устанешь» (Мушина З. З. Повседневность русской девушки-крестьянки в пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 157).

имело не общественный, а частный, индивидуальный характер»¹¹. Советская историография также была сосредоточена на исследовании «настоящего раскрепощения» женщины посредством «вовлечения... в общественное производство и общественную деятельность»¹², деятельности «женских движений» и роли женщин в революционно-освободительной борьбе¹³. Вопросы развития правосознания и правовой культуры среди женщин (в том числе в крестьянской среде) в академической повестке не значились.

Современная литература, связанная с изучением крестьянского сословия и истории женских сообществ, значительно сместила акценты. Сейчас очевиден высокий интерес к крестьянской теме и непосредственно к волостной юстиции, инициированный работами Дж. Бурбэнк, Л. Энгельштейн, В. Б. Безгиным, Л. И. Земцовым и др.¹⁴ Однако очевидно, что применительно к действиям

- 11 Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.) М.: Мысль, 1978. С. 136-137.
- 12 Белова В. С. Решение женского вопроса в СССР М.: о-во «Знание» РСФСР, 1975. С. 8-13.
- 13 Ковалева И. Н. Женский вопрос в России в 50-60-х годах XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки/под ред. Е. М. Жукова М.: Наука, 1981. С. 118-128; Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. С. 3-269. Примечательно, что этот исследовательский тренд не был исчерпан с падением Советского Союза. В современной западной историографии в большей степени исследуют эмансипацию женщин в период модернизации России после 1861 г. через их социализацию в профессиональной, общественно-политической и интеллектуальной деятельности (см., например: Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2005; Энгель Б. Женщины в России, 1700-2000. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023; Адлер Э. «В их руках». Девичье еврейское образование в Российской империи. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023).
- 14 Бурбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст./сост. М. Баталина и др. М.: Новое изд-во, 2004. С. 320-358; Она же. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской

крестьянок конвенциональные установки пока не выработаны. Так, в отношении правосознания и правоприменения в литературе заговорили о значении волостных судов для пресечения проявления девиантного поведения в деревне¹⁵ и получения крестьянками по крайней мере отдельных гарантий на имущественные права и защиту достоинства¹⁶. В поле зрения исследователей попали и некоторые случаи, когда крестьянки выступали инициаторами судебных разбирательств, проявляя осознанность и стремясь защитить свои права¹⁷. Вместе с тем работающие в рамках указанной проблематики историки предлагают и спектр принципиально разных трактовок — от указания на отстраненность крестьянских женщин от общественных дел в целом¹⁸ до выводов о злоупотреблении жен-

России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188-196; Burbank. J. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside, 1905-1917. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004; Энгельштейн Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология/под ред. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 217-268; Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломносовъ, 2017; Безгин В.Б. Крестьянка в волостном суде // Вестник восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 32-41; Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002.

- 15 Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 119-124.
- 16 Безгин В.Б. Крестьянка в волостном суде. С. 32-41; Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX — начала XX века. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015.
- 17 Лаухина Г.В. Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья: 60-е г. XIX — начало XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. С. 12-15.
- 18 Апкаримова Е. Ю. Русская женщина в общественной жизни уральского и сибирского города в XVIII — начале XX в.: достижения современной историографии // Женщина в истории Урала и Сибири в XVIII — начале

щинами «сочувственным отношением судебных органов, рассматривавших мужчин как категорию, наиболее склонную к правонарушениям»¹⁹, и принципиально негативном отношении общин к женщинам, выносившим «сор из избы»²⁰.

В статье будет предпринята попытка ответить на вопрос о степени включенности крестьянок в систему социально-экономических отношений в пореформенной российской деревне через вовлеченность в судопроизводство волостной юстиции. Такая постановка вопроса представляется значимой. Ведь в пореформенный период волостной суд — пространство, в котором сталкивались интересы сельчан, мужчин и женщин, — стал площадкой широкого гендерного взаимодействия, способствуя формированию повседневного правосознания и — шире — выработке практик крестьянского самоуправления. Рассмотрение указанной проблематики будет проведено как в рамках анализа общеимперских позиций, так и с привлечением локального материала, в частности рассмотрения женских судебных дел в книгах решений Пермского губернского по крестьянским делам присутствия за 1878 г. и Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия за 1884 г.

Телесные наказания

Начало работы волостных судов в Российской империи практически сразу подняло на поверхность вопрос, решение которого для имперских чиновников, представителей судебной власти

XX в. Сб. науч. статей. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 11.

- 19 Барышников А. В. Преступления против личности: гендерный аспект (на материалах русской деревни Удмуртии второй половины XIX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 82–90.
- 20 Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства 1870–1900 гг. (С. В. Оболенская) // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: б/и, 1996. С. 233–239.

и самих крестьян имело серьезное значение, — телесные наказания для крестьянок.

Еще при подготовке крестьянской реформы в августе 1860 г. в Редакционных комиссиях развернулась большая дискуссия по поводу применения плетей и розог в отношении осужденных за преступления. Министр юстиции В. Н. Панин — ярый противник отмены телесных наказаний не только для мужчин, но и для представительниц слабого пола — заявлял, что «женщины часто совершают преступления, обнаруживающие в них присутствие большей развращенности, чем в мужчинах, а пол и сословие возвышают не освобождение от наказания, а не совершение преступления... Насчет женщин — иная дерется, — тех, которые воруют и бьют других, следует тоже, мне кажется, сечь»²¹. Видимо, подобные заявления высокопоставленных чиновников сыграли свою роль в первоначальном отсутствии каких-либо преференций для крестьянок в отношении применения телесных наказаний в волостном суде. В «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г. от розог освобождались только престарелые крестьяне после 60 лет, должностные лица сельского самоуправления и крестьяне, завершившие курс в образовательных организациях. Женщины в этом контексте в принципе не упоминались. При этом волостным судам временно разрешалось применять «меры наказаний» за маловажные преступления и проступки по «Сельскому судебному уставу» для государственных крестьян, изданному еще до освобождения от крепостной зависимости²². По этому законодательному акту лишь беременным женщинам телесное наказание могло быть заменено на «заключение под стражу»²³.

- 21 Джаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ. (Освобождение крестьян. Отмена телесного наказания. Цензурная реформа. Новый суд и пр.). М., 1892. С. 107-108, 115-116.
- 22 Полное собрание законов Российской империи Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). Т. 36 (1861). Ч. 1. № 36657. С. 157, 341.
- 23 Устав о благоустройстве в казенных селениях // Свод законов Российской империи (далее — СЗРИ). СПб., 1857. Т. XII. Ст. 454. С. 79.

Вместе с тем ставшие достоянием гласности случаи применения телесных наказаний в отношении крестьянок зачастую вызывали острую общественную реакцию, а призывы нивелировать гендерные различия в подобных делах звучали как на столичном, так и на локальном уровне. Так, весной 1861 г. в Херсонском губернском по крестьянским делам присутствии был поставлен вопрос о телесном наказании для крестьянок. Члены присутствия обратили внимание, что все «изъятия» в применении телесных наказаний не относятся к женщинам («60-летний возраст не применяется в законах к женщине»), отмечая, что «старуху таких лет можно убить двадцатью ударами»²⁴. Они также указали, что «в статье 124-й исчислены должности, занимаемые по волостному и сельскому управлению только мужчинами. Наконец, женщины не принимаются ни в одно из означенных училищ. Если б приведенные статьи распространялись на женщин, то и для них нашлись бы изъятия, именно, особые лета, беременность, воспитание в заведениях, приличных их полу, наконец, должности акушерок, надзирательниц в больницах, наставниц»²⁵. В это же время Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор А. Г. Строганов также «изъяснил, что он находит возможным, благоприличным и даже необходимым совершенно освободить от телесного наказания всех вообще женщин, принадлежащих к сословию временно-обязанных крестьян и дворовых людей, заменив оное другими установленными взысканиями»²⁶.

Сторонники отмены телесных наказаний были и в правительстве. В 1861 г., сразу после назначения министром внутренних дел, П. А. Валуев вышел с инициативой в Главный комитет об устройстве сельского состояния с предложением «Об изъятии от наказаний телесных женщин всех сельских сословий за про-

24 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 6. Л. 34.

25 Там же. Л. 34 об.

26 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 6. Л. 35.

ступки, подлежащие разбору общественного крестьянского суда и полицейских мест»²⁷. В августе 1861 г. Главный комитет «нашел» справедливым дополнить примечания к 102-й статье «Общего положения о крестьянах» и запретить волостным судам приговаривать к телесному наказанию лиц женского пола при достижении ими 50-летнего возраста, получении образования в учебных заведениях, работе повивальными бабками, смотрительницами больниц, сельских училищ и школ, а также принадлежности к семьям должностных лиц волостного и сельского управления²⁸.

В мае 1862 г. этот важный вопрос обсуждался в департаменте законов Государственного совета. Позиции участников обсуждения были в большинстве своем схожи. Лишь министр юстиции В. Н. Панин предложил сохранить телесные наказания для женщин, но «подвергать их сим наказаниям лишь вполовину против мужчин, не производя над ними никогда публичного наказания»²⁹. Остальные восемь членов департамента во главе с председателем князем П. П. Гагариным высказались за «несовместимость телесных наказаний с физическим сложением и нравственным положением женщин», а также «о вредном действии этих наказаний на развитие половых органов, особливо же принимая во внимание, что телесное наказание женщин вообще опасно в том отношении, что нередко нет возможности удостовериться, и даже самим наказываемым не всегда известно, не находятся ли они в беременном состоянии»³⁰. Все это повлияло на решение Александра II, который в 1863 г. подписал закон об освобождении женщин от телесного наказания³¹.

Несмотря на это, иногда крестьянок все же наказывали. Так, в феврале 1864 г. калужский губернатор Э. В. Лерхе сооб-

27 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 6. Л. 34 об.

28 Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния. С 5 марта 1861 года по 28 декабря 1862 года. Пг. Т. 1. 1918. С. 276.

29 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 3. Л. 13 об.

30 ОР РГБ. Ф. 290. Оп. 1. П. 44. Д. 3. Л. 14.

31 ПСЗ-2. Т. 38 (1863). Ч. 1. № 39505. С. 353.

шал в Министерство внутренних дел, что «встречаются решения судов совершенно неправильные... в Тарусском уезде 6 сентября 1863 г. наказана телесно крестьянка, что противно Высочайшему повелению»³². Одновременно волынский губернатор М. И. Чертков пожаловался на крестьянский самосуд и наказание розгами местной крестьянки Степаниды Форманюк «за развратную жизнь»³³. В ноябре 1871 г. таврический губернатор А. Г. Рейтерн также обратил внимание на незаконное наказание Сарабузским волостным судом местной поселянки Агафьи Орловой 18 ударами розог «за нанесение ею своему односельцу Марку Орлову побоев»³⁴.

Рассматривая эти случаи, стоит учесть мнение историка Б. Н. Миронова, который утверждает, что в Российской империи пореформенного периода «жены за непослушание — самовольные отлучки, адюльтер и т. д. — приговаривались к тем же наказаниям» (как и мужчины. — *Прим. авт.*), то есть к штрафам, арестам и розгам³⁵. При этом телесные наказания для женщин в некоторых местностях расценивались как исключительные в борьбе с мелкими преступлениями и безнравственностью слабого пола и, скорее всего, относились к внесудебным мерам крестьянского самосуда.

В большинстве случаев после 1863 г. в решениях волостных судов против женщин розги не применялись. Материалы многочисленных книг решений волостных судей Пермской губернии, документов Шадринского, Ирбитского уездных по крестьянским делам присутствий и Пермского губернского по крестьянским делам присутствия за 1860-1890-е гг. не фиксируют ни одного случая применения телесных наказаний в отношении женщин.

32 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1291. 1863 г. Оп. 36. Д. 140 б. Л. 271-272 об.

33 РГИА. Ф. 1291. 1863 г. Оп. 36. Д. 140 б. Л. 382-382 об.

34 РГИА. Ф. 1291. 1871 г. Оп. 37. Д. 200. Л. 1.

35 Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланов, 2015. С. 102.

Истицы и ответчицы: случай Пермской губернии

С учетом вышесказанного остается открытым вопрос о том, насколько часто — особенно имея в виду существование опасности телесных наказаний в первые годы работы волостной юстиции — крестьянки обращались с жалобами в суд и — шире — как часто безотносительно роли в судебном процессе они оказывались перед волостным судом. На наш взгляд, ответить на этот вопрос можно с привлечением локальных источников данных.

Богатый документальный материал в этом отношении содержат фонды уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, первой кассационной инстанции по делам крестьянского самоуправления. В Государственном архиве Свердловской области хранится несколько книг «для записки решений» Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия Пермской губернии (далее — Ирбитского присутствия) за период с 21 февраля по 25 ноября 1884 г. Сюда обращались крестьяне всего Ирбитского уезда с жалобами на пересмотр судебных дел. Отметим, что члены Ирбитского присутствия могли согласиться с доводами, изложенными в жалобе, и отменить решения волостных судов за нарушением, например, 103-й и 107-й статей «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», то есть на основании неправильной подачи жалобы или отсутствия процедуры примирения сторон³⁶.

Согласно сохранившимся данным, большая часть постановлений касалась волостного судопроизводства: из 252 дел, рассмотренных Ирбитским присутствием, 138 (54%) были посвящены волостному суду. При детальном рассмотрении оказывается, что среди общего числа жалоб на волостные суды 36 жалоб (26%) напрямую касались женщин. В основном истицами здесь являлись сами крестьянки. Они проявляли активность и не боялись понятных им деятелей сельской Фемиды. Так, в 25 случаях пред-

36 ПСЗ-2. Т. 36 (1861). Ч. 1. № 36657. С. 157.

ставительницы слабого пола обращались в волостной суд, заявляя свои права на имущество или отстаивая свою честь из-за оскорбительного поведения односельчан. При этом в 7 делах ответчицами фигурировали другие женщины. Иными словами, примерно в 1/5 процессов крестьянки судились друг с другом. Лишь в 11 делах свои жалобы в отношении женщин заявляли мужчины. При этом такие дела касались мелких краж, ухода жен из дома или взыскания денежных средств за несостоявшуюся свадьбу³⁷.

Анализ качественного состава обращений по судебным делам крестьянок демонстрирует, что из 36 жалоб всего 16 дел касались женских проступков или мелких уголовных дел против сельчанок, остальные 20 дел составляли имущественные споры³⁸. Обращает на себя внимание, что крестьянки достаточно часто судились между собой из-за взаимных оскорблений, побоев и мелкого воровства³⁹. Так, в апреле 1884 г. в Ирбитском уездном по крестьянским делам присутствии рассматривалась жалоба крестьянской девицы Мавры Босановой на решение Чубаровского волостного суда, согласно которому с солдатки Соломонии Бобровой «за нанесение просительнице оскорблений» было присуждено денежное взыскание в пользу местного училища в размере 1 рубля. Истицу Босанову не устраивала мягкость приговора волостного суда, так как «проступок Бобровой совершен в публичном месте при катании на масленице», поэтому она безуспешно попросила членов присутствия увеличить наказание ответчице⁴⁰.

Рассмотрение 20 гражданских дел по имущественным спорам показывает, что проигравшие суд (как правило, мужчины)

37 Подсчитано по следующим материалам: ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-296; Д. 66. Л. 1-242.

38 В делах об имуществе крестьянки вступали в юридические споры даже с жителями соседних волостей (см., например: Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 456.).

39 Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 222-224, 231-232, 234-235; Д. 66. Л. 13-14, 108-109, 193-194, 200-202.

40 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 234-235.

жаловались в Ирбитское присутствие из-за того, «что волостной суд присудил взыскание в большем размере против заявленного иска»⁴¹, неверно отказался «от рассмотрения встречного иска»⁴², не принял к рассмотрению дела «о водворении... для совместного сожительства жены»⁴³ или нарушил статью 107 «Общего положения», то есть не попытался примирить тяжущихся⁴⁴. В целом спектр жалоб не отличался от общей массы обращений. Крестьяне жаловались в кассационные инстанции обычно «по существу» дела, поэтому чаще всего не достигали желаемого результата.

В указанных материалах содержится также информация о случаях, когда женщина-крестьянка вполне методично добивалась своих целей в борьбе за имущество. Так, в 1884 г. вдова Лукия Макарова заявила в Киргинском волостном суде претензию на пасынка Поликарпа Макарова за то, что «последний выгоняет ее из дома, оставшегося после смерти мужа». При разборе дела Поликарп заявил, «что вследствие беспокойного характера мачехи ныне он не желает оставить ее в своем доме, а желает уплатить ей на постройку отдельной избы 20 рублей», но крестьянка осталась недовольна решением и обратилась в Ирбитское присутствие, где добилась отмены приговора, апеллируя суммой имущества мужа, которая превышала, по ее мнению, 500 рублей, а следовательно, такое дело было неподсудно волостному суду, разбиравшему крестьянские споры до 100 рублей⁴⁵.

Отметим, между прочим, что крестьянки достаточно часто вполне адекватно мотивировали свои претензии к волостным судам, указывая, что последние «не допросили с ее стороны свидетелей..., лишив этим просительницу права защиты по делу»⁴⁶, или, признав просительницу больной, не отложили разбор дела

41 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 20 об.

42 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 214-216.

43 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 9-10.

44 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 223-228.

45 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 206-207.

46 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 78-79.

или не предложили сторонам обряда примирения»⁴⁷. В ряде случаев в текстах можно обнаружить отсылки к официальным документам. Так, просительница Марфа Пономарева указывала, что рассматривавший ее дело волостной суд «неподлежательно касался действий сельских старост и общества в отношении продажи имущества и вещами своими, нарушающих Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета от 1 февраля 1877, в силу коего продажа имущества крестьянских малолетних сирот разрешается опекунами или родителями по приговору сельского схода, одобренному губернским присутствием»⁴⁸. Во всех подобных случаях члены Ирбитского присутствия вставали на сторону женщин и отменяли решение волостных судей.

В целом рассмотрение решений Ирбитского присутствия за 1884 г. не позволило выявить ни одного случая, когда в волостном суде мужчины из-за проступков в отношении крестьянок остались бы безнаказанными. В качестве приговора здесь применялись аресты, битье розгами и компенсация потерянному крестьянками имущества. В случаях, если речь шла о проступках женщин в отношении друг друга, наказания назначались в соответствии с общепринятыми нормами, но без использования розог. В имущественных спорах крестьянка также чувствовала защиту и в большинстве случаев добивалась справедливого перераспределения материальных средств.

Между прочим, упомянутый выше случай с Лукией Макаровой, судившейся с пасынком, подтверждает, что крестьянки могли неплохо разбираться в системе кассационного обжалования приговоров. Показательно, например, что, не получив поддержки в уездных по крестьянским делам присутствиях, крестьянки решались «искать правды» в губернских городах, обращаясь в губернские по крестьянским делам присутствия — высшие региональные кассационные инстанции.

47 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 66-67.

48 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 70-71.

В этом отношении представляет интерес дело Акулины Кочневой, подавшей в волостной суд жалобу на Алексея Павлова «за буйство и за оскорбление». Глинский волостной суд подверг Павлова штрафу в размере 1 рубля в мирской капитал. Одновременно крестьянке были назначены общественные работы — ее заставили вымыть пол в волостном правлении. Акулина, однако, не стала терпеть такой обиды теперь уже от волостных судей и с жалобами дошла до губернского присутствия, прося «пересмотреть дело вновь и взыскать с ответчика в ее пользу и за обиду, и за убытки 47 рублей». И хотя служащие Пермского губернского по крестьянским делам присутствия не проявили сочувствия к истице⁴⁹, ее стремление добиться правды в высшей судебной-административной инстанции региона говорит о формировании новой правовой культуры.

Анализ журналов Пермского губернского по крестьянским делам присутствия позволяет идентифицировать, что речь в данном случае шла не о единичных случаях, а о появлении системы. Просмотренные денные за период октябрь — декабрь 1878 г. демонстрируют следующую специфику в отношении жалоб «сельских обывателей» на действия местных мировых посредников и решения уездных мировых съездов Пермской губернии по вопросам организации и деятельности крестьянского самоуправления. Всего за два с половиной месяца члены губернского присутствия вынесли определения по 434 обращениям крестьян. К вопросам кассации решений волостных судов относились 160 дел (37% от общего числа)⁵⁰. При этом в 56 делах (35%) женщины

49 Пермское губернное по крестьянским делам присутствие постановило: «Так как определение степени виновности и наложения на виновных меры наказания вполне зависит от усмотрения волостного суда, а права проверки приговоров волостных судов по существу дела мировым крестьянским учреждениям законом не предоставлено, то губернное присутствие не усматривает в жалобе крестьянки Кочневой кассационных поводов к отмене решения» (ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 120-120 об.)

50 Из них лишь 16 жалоб (около 10%) были признаны справедливыми и отправлены на пересмотр.

фигурировали в качестве истцов или ответчиков по самым разнообразным малозначительным имущественным делам и уголовным проступкам. В 37 судебных процессах крестьянки фигурировали в качестве истцов против мужчин по разделу имущества, мелким кражам, оскорблениям чести и даже попыткам изнасилования. В 12 делах, наоборот, сельчанки выступали ответчицами перед представителями сильного пола из-за имущественных споров, краж вещей, нанесения оскорблений и побоев. Всего в 7 делах крестьянки судились между собой из-за денежных споров, «угона» телки, взаимных обид и мелких краж⁵¹.

Из материалов Пермского губернского присутствия видно, что волостные суды старались принимать справедливые решения о наказании обидчиков, а истцы получали достойное вознаграждение за утерянную собственность. Так, Каслинский волостной суд присудил взыскать с крестьянина Федора Столбикова в пользу крестьянки Курочкиной 15 рублей за кражу быка. На это решение ответчик жаловался сначала в Екатеринбургско-Красноуфимский мировой съезд, а затем в Пермское губернское присутствие, ссылаясь на «не спрос волостным судом свидетелей с его стороны». Члены присутствия оставили это дело «без последствий»⁵². Нижнетагильский волостной суд, разобрав дело о краже Петром Красиловым и Кириллом Шаровым разных вещей у «мастерской» жены Екатерины Лаптевой, приговорил обоих к аресту каждого на двое суток и денежному взысканию в пользу Лаптевой в размере 8 рублей 40 копеек. Ответчики также не смогли обжаловать это решение суда⁵³. Схожим образом завершилось дело о краже 9 рублей у солдаты Василисы Патраковой. С виновного в воровстве односельчанина Леонтия Поварищенного взыскали украденную сумму, приговорив его также к телесному наказанию (15 ударов розгами)⁵⁴.

51 Расчеты по: ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-980 об.

52 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 9-9 об.

53 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 19-19 об.

54 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 161-162 об.

Приговоры

Полное освобождение крестьянок от телесных наказаний в 1863 г. явно смягчило приговоры волостных судов в отношении женщин, которых отныне могли присуждать только к аресту до 7 дней, денежному взысканию до 3 рублей и общественным работам до 6 дней. По мнению некоторых современников, это плохо повлияло на «законопослушность» крестьянок. Так, в 1868 г. мировые судьи Лугского уезда Санкт-Петербургской губернии — тайный советник Бек и полковник Зварковский — констатировали, что «так как женщины в настоящее время вовсе изъяты от наказаний телесных, то определяемое “Сельским судебным уставом” наказание за кражу и мошенничество к ним вовсе неприменимо и вследствие того, они *остаются совершенно безнаказанными* (курсив мой. — Прим. авт.)»⁵⁵.

Хотя такая оценка представляется явно преувеличенной, нельзя не отметить, что в пореформенный период отношение к женщинам в сословном волостном суде за маловажные проступки действительно носило в известной мере особый характер, а наказания в целом были сравнительно мягкими. Причем если крестьянка за мелкую кражу попадала во всесословный мировой суд, то могла быть приговорена к гораздо более серьезным взысканиям. Например, в августе 1868 г. тульский губернатор А. М. Быков сообщал в Министерство внутренних дел, что крестьянка Пелагея Иванова за кражу яблок у крестьянина Ивана Плотникова приговорена мировым судом «к заключению под арестом на 3 месяца». Естественно, ответчица обратилась за апелляцией в местный съезд мировых судей, решение отменили, и дело рекомендовали рассмотреть в волостном суде, где ей грозило максимальное наказание до 7 дней ареста при волостном правлении⁵⁶.

55 РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482 а. Л. 26.

56 Ф. 1291. Оп. 36, 1868. Д. 21. Л. 21-22.

Показательны и приговоры волостных судов Тамбовской губернии в отношении обид, нанесенных крестьянкам. Так, в случае получения жалоб на избиение волостные судьи, как правило, вставали на сторону женщин⁵⁷. Более того, нам известны случаи, когда сельские старосты подавали жалобы в волостной суд, отстаивая интересы пострадавших женщин. В подобных случаях судьи могли назначить телесное взыскание обидчику, например, «наказать 20 ударами, исполнить через старосту и объявить..., чтобы он (ответчик. — *Прим. авт.*) оставил все свои дурные поступки и жил бы в своем семействе смирно»⁵⁸.

В Пермской губернии волостные судьи довольно строго наказывали за «оскорбление крестьянских девиц», вставая на сторону последних и присуждая мужчин иногда к двойному наказанию не только арестом, но и денежным взысканием в пользу обиженной⁵⁹ или общественным работам и «денежному вознаграждению свидетелей»⁶⁰. Среди приговоров значатся и удары розгами⁶¹. «Сельские обыватели» проигрывали дела даже в тех случаях, когда истицы прибегали к оскорблению в присутствии волостных судей⁶². Интересно, что подобная ситуация оказалась замеченной властями. В 1872 г. сенатор П. Н. Клушин, ревизовавший Пермскую губернию, отметил такое снисходительное отношение к местным крестьянкам в волостном суде. По мнению сенатора, здесь за «оскорбление женщин полагалось наказание большее, чем за обиду мужчин», к тому же женщины выигрывали в имущественных спорах⁶³.

57 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов: (Словес. опросы крестьян, письм. отзывы различ. мест и лиц и решения: волост. судов, съездов мировых посредников и губ. по крестьян. делам присутствий). СПб., 1873. Т. 1. С. 32, 39.

58 Там же. С. 295.

59 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 22-23, 59-60.

60 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 106-107.

61 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 200-202.

62 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 61-62.

63 РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 106.

Крестьянок наказывали достаточно мягко в разных губерниях Российской империи даже в случаях, когда речь шла о пьянстве или распутстве. Так, волостные судьи Моршанского уезда Тамбовской губернии сделали лишь «замечание» крестьянке Акулине Деминой «за растрату без дозволения мужа денег»⁶⁴, а волостные судьи Шуйского уезда Владимирской губернии отправили другую крестьянку под арест на 3 дня за «худое и распутное поведение», постановив, что после отбытия наказания «она должна опять жить вместе с мужем мирно и почитать его и его родителей»⁶⁵. Более общие жалобы крестьян на своих жен из-за «нетрезвой и распутной» жизни чаще всего оставались «без последствий»; волостные судьи могли вносить предложение о рассмотрении таких дел в духовном суде⁶⁶ или «в общих судебных местах»⁶⁷.

В описанной системе приговоров исключения составляли, пожалуй, лишь штрафы в пользу мужчин из-за отказа от будущей свадьбы. Так, в марте 1884 г. крестьянин Знаменской волости Ирбитского уезда Пермской губернии Матвей Кутькин получил от несостоявшейся невесты 14 рублей, назначенных в качестве выплаты «за нарушение договора о выходе в замужество»⁶⁸, а в ноябре 1884 г. ирбитскому крестьянину Большедворову было «присуждено денежное взыскание с крестьянской девицы Елены Соколовой в количестве 7 рублей за причинение убытков по приготовлению к свадьбе, которая, вследствие несогласия Соколовой, не состоялась»⁶⁹.

Видимо, иногда женщины не гнушались использовать откровенный подкуп местных судей, иначе невозможно объяснить несправедливые решения по имущественным спорам. Так, покровские волостные судьи разобрали дело об «угоне» телки крестьянки Маремьяны Стригановой. Ответчица Степанида Крякунова по ре-

64 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 72.

65 Там же. Т. 2. С. 35.

66 Там же. С. 18.

67 Там же. С. 35.

68 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 43-44.

69 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 226-227.

шению судей должна была заплатить истце лишь 1,5 рубля и оставить корову у себя. Стриганова обратилась в вышестоящие инстанции, доказывая несправедливость такого незначительного денежного взыскания с «угонщицы». В жалобе Пермскому губернскому по крестьянским делам присутствию Маремьяна подтвердила: «Крякунова при выходе из суда говорила, что угощала волостных судей водкой», но странное решение было оставлено в силе⁷⁰.

Волостная юстиция вставала на сторону крестьянок даже в неоднозначных делах. В этом смысле обращает на себя внимание дело крестьянина Вятской губернии Афанасия Токарева, который жаловался «по инстанциям» на решение Мотовилихинского волостного суда о взыскании с него 5 рублей в пользу Александры Худяковой за «оскорбление словами». Крестьянин пытался доказать, что истица не заявляла на суде требований о взыскании денег, да и «сама Худякова наносила ему обиду словами»⁷¹. Похожий случай произошел с крестьянином из Владимирской губернии Петром Шипиным, который попытался взыскать долг с писаря Красноуфимского уезда Пермской губернии: «Драка с писарем Половниковым началась в питейном заведении из-за того, что Шипин потребовал с Половникова 1 рубль 80 копеек долга, а тот со старостой Никифоровым был в нетрезвом виде и стало быть против. К ним же пристала жена Половникова, а когда проситель при помощи свидетелей освободился, то писарь побежал в волостное правление и в книгу явок внес заявление о буйстве его, Шипина, и нанесении оскорбления». В результате местные волостные судьи взыскали в пользу Прасковьи Половниковой «за оскорбление ее чести в публичном месте» 5 рублей⁷². В итоге Прасковья Половникова помогла мужу не только избавиться от долгов, но и получить прибыль с кредитора.

70 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 520-520 об.

71 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 31-32.

72 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 283-283 об.

В известных нам материалах Пермской губернии пореформенного периода находятся лишь единичные случаи, когда крестьянки не смогли добиться правды в системе волостной юстиции. Так, Верхнетагильский волостной суд не стал рассматривать заявление Авдотьи Кондратьевой о «нанесении ей крестьянином Таланкиным оскорблений на словах и ударом в грудь», а кассационные инстанции в этом деле не нашли «ни превышения власти, ни отступления от предписанных законом формальностей»⁷³. Иленский волостной суд также не стал рассматривать жалобу солдатки Александры Печеркиной о «выбитии стекол» крестьянином Никитой Печеркиным. Повторную просьбу отклонил «по бездоказательности», а за «ложное обвинение» судьи подвергли истцу аресту на 3 суток⁷⁴.

Сохранившиеся в региональных архивах книги для записи решений волостных и третейских судов подтверждают тенденцию поддержки крестьянок волостными судами⁷⁵. Очевидно, что такие установки были характерны не только для Пермской губернии. Это подтверждается выводами известного исследователя волостной юстиции Л. И. Земцова, работавшего с материалами волостных судов нескольких уездов Рязанской губернии за 1861-1875 гг. Историк обратил внимание, что среди обращающихся к представителям местной Фемиды за помощью в решении семейных проблем было много женщин. По мнению Земцова, приговоры по таким делам, «особенно в случаях неурядиц в семье, показывают уважение крестьян к собственности женщины, попытки защитить ее от произвола мужа, часто — деверя, иногда — всего семейства мужа»⁷⁶.

73 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 279-279 об.

74 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 516-517.

75 ГАПК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 10, 16, 18; Государственный архив г. Шадринска (далее — ГАШ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 71; Ф. 11. Оп. 2. Д. 57; Ф. 25. Оп. 1. Д. 91, 94; Ф. 28. Оп. 1. Д. 22; ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52, 54; Ф. 669. Оп. 1. Д. 7, 8.

76 Земцов Л. И. волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж.: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. С. 61.

Родители и дети

Вероятно, рассчитывать на особую защищенность в суде крестьянки могли, если речь шла о защите прав детей и стариков. Такого рода проступки традиционно карались в крестьянской среде максимальным наказанием, и позиция волостного суда в этом отношении осталась неизменной. Более того, волостная юстиция жестко пресекала всякие попытки ухода молодых крестьян от традиционной ответственности перед пожилым родителям, а дела, касавшиеся признания малолетних и стариков, решались волостными судами в пользу слабых и беззащитных⁷⁷. Так, в апреле 1884 г. крестьянин Иван Костромин безуспешно пытался обжаловать в Ирбитском присутствии суровое постановление Антоновского волостного суда, наложенное на него «за нанесение оскорблений матери своей Ирине Калистратовой, самовольный захват коровы и лошади в 45 рублей и кражу сена». Судьи не только постановили вернуть все имущество пожилой женщине, но и присудили молодого человека к 20 ударам розгами⁷⁸. Даже приемную мать крестьянин был обязан содержать до конца ее дней. Так, в это же время покровские волостные судьи обязали Харитона Чашина «доставлять приемной матери Аксинье Клепининой причитающееся содержание» и осудили на 7 дней ареста из-за попытки избежать исполнения решения⁷⁹.

Значимой категорией жалоб следует признать и дела о материальной помощи жене и детям от нерадивых мужей. Поскольку согласно общему праву «муж жену с детьми кормить обязан и доставлять ей все жизненные потребности», запрос от крестьянок на помощь такого рода получал адекватный отклик в волостных судах. Мужей либо обязывали «выдавать детям на прокормление ежемесячно по 2 рубля 60 копеек», либо «строго внушали» кре-

77 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 524-524 об.

78 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 233-234.

79 ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 66. Л. 241-242.

стьянину, «чтобы он не бросал свое семейство безо всякого жизненного содержания»⁸⁰. Оставившего свою семью без содержания крестьянина могли подвергнуть наказанию розгами (до 20 ударов) и обязать «подпиской, чтоб он жену свою взял к себе и жил бы с ней как следует, не причиняя ей никаких обид»⁸¹. Так, в 1869 г. в Шуйском уезде Владимирской губернии волостной суд решил «обязать подписками как мужа, так и жену для совокупного их жития, причем первый, чтоб безукоризненно доставлял жене своей пропитание и содержание, а последняя находилась в должном повиновении», а для обеспечения содержания жены и малолетних детей, а также сохранения совместного имущества было решено «приставить опекунов», которые могли контролировать финансы семьи и «по мере надобности» выдавать денежные средства женщине. Такую опеку назначали и в случае пьянства мужей⁸².

Важно, что при нарушении традиционных норм поведения самими женщинами по отношению к родителям судьи всегда вставали на сторону старшего поколения. Например, Пермско-Кунгурский съезд мировых посредников утвердил три решения Мотовилихинского волостного суда о присуждении «мастерской» вдовы Евдокии Панариной «за оскорбление» своих отца и матери⁸³.

Однако уже на кассационном уровне современники не всегда понимали мировоззрение крестьян и иногда смягчали приговоры волостных судов, строго стоявших на защите старшего поколения. Примечательно в этом отношении дело Матрены Рогозинниковой, разбирательство по которому пришлось на 1878 г. Невьянский волостной суд рассмотрел жалобу Матрены Рогозинниковой на ее сына Степана о «должных денег 80 рублей, о доставлении ей от него приличного содержания до ее смерти, а также о взыскании с него за оскорбление». Две первые

80 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 287, 341, 458.

81 Там же. Т. 2. С. 10.

82 Там же. С. 21.

83 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 166-166 об.

просьбы Матрены были удовлетворены, кроме «взыскания с сына за оскорбление». Таким взвешенным решением судьи попытались примирить конфликтующих близких родственников, «предупредив при этом обе стороны никаких друг другу обид и оскорблений не наносить под опасением ответственности». Это решение не удовлетворило ни мать, ни сына. Решение было обжаловано в Екатеринбургско-Красноуфимском съезде мировых посредников. Мать справедливо указывала, что волостной суд не имел права отказать ей в удовлетворении за оскорбление словами, так как «по жалобе родителей на детей не требовалось доказательство». Сын же в принципе не признал возможность подсудности настоящего дела волостному суду. Мировые посредники в целом встали на сторону Матрены и утвердили решение волостного суда, отменив лишь часть дела, касавшуюся оскорбления сыном матери, из-за «неподсудности»⁸⁴.

Это постановление отчасти противоречило «Сельскому судебному уставу» и мировоззрению крестьян, сурово каравших за «непочтение, грубость и дерзость младших против старших». Что же касалось «неотделенных детей, непослушных родителям, а тем более оскорбивших их словами», то такие проступки наказывались «по воле родителей соразмерно сделанному оскорблению». Даже «отделенные дети, оскорбившие родителей словами», по просьбе последних подлежали суровым взысканиям. В любом случае расправу учиняли над всеми детьми, «отказывавшими» родителям «в пище, одежде и вспоможении, особенно в старости и болезни»⁸⁵. Это подтверждается решениями волостных судей Козловского уезда Тамбовской губернии, которые в 1871 г. крестьянина Егора Жукова «за оскорбление и ругательство матери, по воле матери, наказали розгами по ее усмотрению»⁸⁶.

84 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 305-305 об.

85 Устав о благоустройстве в казенных селениях // СЗРИ. Т. XII. Ст. 487, 489-491. С. 83-84.

86 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 341.

Очевидно, такой патриархальный подход был неприемлем для некоторых региональных чиновников губернского присутствия. Поэтому дело Матрены Rogozinnikovoy в конце концов было обжаловано в Пермском губернском по крестьянским делам присутствии, изъято из волостного судопроизводства и направлено в мировой суд, который действовал на основе «писаного» права и не выносил решения в пользу «матери без всяких доказательств со стороны последней по одному лишь требованию без всякого удостоверения в справедливости иска»⁸⁷. В этом случае обычаи, закрепленные в крестьянском мире, конфликтовали с позитивным правом, ориентировавшим население на подтверждение доказательств и строгие законодательные рамки.

В целом рассмотрение обращений крестьянок в волостной суд позволяет обнаружить позитивное влияние пореформенных крестьянских судебных институтов на развитие правовой культуры в этой среде. Крестьянки не боялись обращаться в суды даже по самым незначительным искам. При этом женщина, стремившаяся к сохранению семьи, развитию хозяйства и достижению относительного благополучия, в подавляющем большинстве случаев могла найти поддержку у представителей крестьянского самоуправления, которые видели себя хранителями традиционных ценностей сельского мира. Так в пореформенной России формировалась система включения крестьянок в социально-экономическую жизнь деревни на условиях большей акторности — крестьянки ощущали перемены, активно использовали новый суд, «ходили по инстанциям» и добивались справедливости.

Литература

1. Адлер Э. «В их руках». Девичье еврейское образование в Российской империи. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023. 269 с.

87 ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 306.

2. Апкаримова Е. Ю. Русская женщина в общественной жизни уральского и сибирского города в XVIII — начале XX в.: достижения современной историографии. // Женщина в истории Урала и Сибири в XVIII — начале XX в. Сб. науч. статей. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 151 с.

3. Барышников А. В. Преступления против личности: гендерный аспект (на материалах русской деревни Удмуртии второй половины XIX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 82-90.

4. Безгин В. Б. Крестьянка в волостном суде // Вестник восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 32-41.

5. Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М: Ломоносовъ, 2017. 237 с.

6. Белова В. С. Решение женского вопроса в СССР. М: о-во «Знание» РСФСР, 1975. 56 с.

7. Бурбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст./сост. М. Баталина и др. М.: Новое изд-во (Тип. ЦИСН Минпромнауки России и РАН), 2004. 382 с.

8. Бурбэнк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188-196.

9. Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. 447 с.

10. Ковалева И. Н. Женский вопрос в России в 50-60-х годах XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки/под ред. Е. М. Жукова М.: Наука, 1981. 344 с.

11. Лаухина Г. В. Женский труд в крестьянском хозяйстве

Центрального Черноземья: 60-е г. XIX — начало XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. 23 с.

12. Меншиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 119-124.

13. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланов, 2015. 989 с.

14. Мухина З. З. Повседневность русской девушки-крестьянки в пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 856 с.

15. Мухина З. З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX — начала XX века. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 51 с.

16. Нагорная М. А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России: последняя четверть XIX — начало XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 22 с.

17. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 272 с.

18. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2005. 444 с.

19. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 495 с.

20. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. 455 с.

21. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства 1870-1900 гг. (С. В. Оболенская) // История мен-

тальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: б/и, 1996. С. 233-239.

22. Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 254 с.

23. Шаповалова С. П. Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60-90-е годы XIX века: исторический портрет. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 22 с.

24. Энгель Б. Женщины в России, 1700-2000. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023. 420 с.

25. Энгельштейн Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология/под ред. М. Дэвид-Фокса. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 217-268.

26. Burbank. J. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside, 1905-1917. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 374 p.

References

1. Adler, E. (2023) *“V ix rukah”. Devich’e evreyskoe obrazovanie v Rossiyskoy imperii* [*“In Their Hands”. Jewish Education for Girls in the Russian Empire*]. Saint Petersburg: Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press.

2. Apkarimova, E. Yu. (2007) “Russkaya zhenshhina v obshchestvennoy zhizni ural’skogo i sibirskogo goroda v XVIII — nachale XX v.: dostizheniya sovremennoy istoriografii” [*“Russian Woman in the Public Life of the Ural and Siberian City in the 18th — early 20th Centuries: Current Historiography Achievements”*], in *Zhenshhina v istorii Urala i Sibiri v XVIII — nachale XX v. Sb., nauch. statey* [*Woman in the History of the Urals and Siberia in the 18th — Early 20th Centuries. Collection of Scholarly Articles*]. Ekaterinburg: Bank kul’turnoy informacii.

3. Baryshnikov, A. V. (2018) “Prestupleniya protiv lichnosti: gen-

dernyy aspekt (na materialah russkoy derevni Udmurtii vtoroy poloviny XIX veka)” [“Crimes against a Person: Gender Aspect (On Materials of the Russian Village in Udmurtia in the Second Half of the 19th Century)”], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronny nauchny zhurnal*, 2 (26), pp. 82-90.

4. Belova, V. S. (1975) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR* [Resolving Women's Issue in the USSR]. Moscow: b/i.

5. Bezgin, V. B. (2017) “Krest'yanka v volostnom sude” [“Peasant Woman in the Volost Court”], *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*, 14, pp. 32-41.

6. Bezgin, V. B. (2017) *Povsednevny mir russkoy krest'yanki perioda pozdney imperii* [Russian Peasant Woman Everyday World in the Late Empire]. Moscow: Lomonosov.

7. Burbank, J. (2004) *Russian peasants go to court: legal culture in the countryside, 1905-1917*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.

8. Burbenk, Dzh. (2004) “Mestnye sudy, imperskoe pravo i grazhdanstvo v Rossii” [“Local Courts, Imperial Law, and Citizenship in Russia”], in *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive: sb. st./sost. M. Batalina i dr.* [The Russian Empire in Comparative Perspective: Collection of Articles]. Moscow: Novoe izd-vo, pp. 320-358.

9. Burbenk, Dzh. (2003) “Pravovaya reforma i pravovaya kul'tura: nepriznannye uspeh volostnykh sudov v imperskoy Rossii” [“Legal Reform and Legal Culture: Unrecognized Success of Volost Courts in Imperial Russia”], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniyy. Pravovedeniye*, 2 (247), pp. 188-196.

10. Chirkov, P. M. (1978) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917-1937 gg.)* [Resolving Women's Issue in the USSR (1917-1937)]. Moscow: Mysl'.

11. Engel, B. (2023) *Zhenshhiny v Rossii, 1700-2000* [Women in Russia, 1700-2000]. Saint Petersburg; Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press.

12. Engel'shteyn, L. (2000) “Nravstvennost' i derevyannaya lozhka: si-filis, seks i obshchestvo glazami rossiyskikh vrachev (1890-1905)” [“Morality and a Wooden Spoon: Syphilis, Sex and Society through the Eyes of Russian Doctors (1890-1905)”], in *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii pos-*

lednih let. Imperatorskiy period: Antologiya/ed. by M. Devid-Foks [*America's Russian Studies: Milestones in the Historiography of Recent Years. Imperial Period: Anthology*]. Samara: Izd-vo "Samarskiy universitet", pp. 217-268.

13. Frenk, S. (1996) "Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva 1870-1900 gg." (S.V. Obolenskaya) ["People's Justice, Community, and Culture of the Russian Peasantry in the 1870s — 1900s" (S.V. Obolenskaya)], in *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnye issledovaniya v obzorax i referatax* [*History of Mentalities, Historical Anthropology. Foreign Research in Reviews and Abstracts*] Moscow: pp. 233-239.

14. Kovaleva, I. N. (1981) "Zhenskiy vopros v Rossii v 50-60-x godax XIX v." ["Women's Issues in Russia in the 1850s — 1860s"], in *Problemy istorii russkogo obshchestvennogo dvizheniya i istoricheskoy nauki*/ed. by E. M. Zhukova [*Issues of the History of Russian Social Movement and Historical Research*]. M.: Nauka.

15. Lauhina, G. V. (2012) *Zhenskiy trud v krest'yanskom hozyaystve Central'nogo Chernozem'ya: 60-e g. XIX — nachalo XX vv.* [*Women's Labor in Peasant Economy of the Central Chernozemye Region: the 1860s — early 20th century*]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Tambov.

16. Menshnikov, I. S. (2016) "Volostnoy sud kak hranitel' traditsionnykh norm povedeniya v russkoy derevne" ["Volost Court as a Guardian of Traditional Behavior Norms in the Russian Village"], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [*Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*], 6-1 (68), pp. 119-124.

17. Mironov, B. N. (2013) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 tomah. Tom 3* [*Russian Empire: From Tradition to Modernity: in 3 volumes. Vol. 3*]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanov.

18. Muhina, Z. Z. (2013) "Povsednevnost' russkoy devushki-krest'yan-ki v poreformennoy Rossii" ["Everyday Life of a Russian Peasant Girl in Post-Reform Russia"], in *Rossiyskaya povsednevnost v zerkale genderny'ch ot-nosheniy. Sb. statey* [*Russian Everyday Life in the Mirror of Gender Relations. Collection of Articles*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

19. Muhina, Z. Z. (2015) *Transformatsiya statusa zhenshhiny v russkoy krest'yanskoy semye serediny XIX — nachala XX veka* [Transformation of Women Status in the Russian Peasant Family of the mid-19th — early 20th Centuries]. Avtoreferat dis. ... d-ra ist. nauk. Moscow.

20. Nagornaya, M. A. (2011) *Sotsial'nye roli i funktsii zhenshhin v krest'yanskoy pereselencheskoy sem'e v Rossii: poslednyaya chetvert' XIX — nachalo XX vv.* [Women Social Roles and Functions in Peasant Migrant Family in Russia: last Quarter of the 19th — early 20th Centuries]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Omsk.

21. Orshanskiy, I. G. (1879) *Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu* [Research on Russian Law — Customary and Marriage]. Saint Petersburgh.

22. Pavlyuchenko, E. A. (1988) *Zhenshhiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii: Ot Marii Volkonskoy do Very' Figner* [Women in Russian Liberation Movement: From Maria Volkonskaya to Vera Figner]. Moscow: Mysl'.

23. Pietrov-Ennker B. (2005) “Novye lyudi” Rossii: Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabrskoy revolyutsii [Russia's “New People”: Development of the Women's Movement from its Origins to the October Revolution]. Moscow: Izdatelskiy tsentr Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.

24. Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge]. Saint Petersburgh: Aleteyya; ANO “Zhenskiy proekt SPb”.

25. Shapovalova, S. P. (2003) *Krest'yanskaya zhenshhina Tsentral'nogo Chernozem'ya v 60-90-e gody XIX veka: istoricheskiy portret* [Peasant Woman of the Central Chernozemye Region in the 60s — 90s of the 19th Century: Historical Portrait]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh.

26. Zemtszov, L. I. (2002) *Volostnoy sud v Rossii 60-x — pervoy poloviny 70-x godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Volost Court in Russia in the 1860s — First Half of the 1870s (On Materials of Central Chernozemye Region)]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.